

Джон Голсуорси

Сага о Форсайтах.
Конец главы. Книга 2
«Пустыня в цвету»

Перевод с английского
Елены Голышевой

ФТМ

Хроники семьи Форсайтов

Джон Голсуорси
Пустыня в цвету

«ФТМ»

1932

Голсуорси Д.

Пустыня в цвету / Д. Голсуорси — «ФТМ», 1932 — (Хроники семьи Форсайтов)

ISBN 978-5-4467-1324-0

Трилогия «Конец главы» – последнее творение Джона Голсуорси; по своему идейному замыслу и отчасти общим персонажам продолжает трилогии «Сага о Форсайтах» и «Современная комедия». Героиня трилогии – умная, ироничная Динни Черрел вынуждена сделать нелегкий выбор между привычным респектабельно-спокойным существованием и иррациональной, болезненно-непростой любовью к человеку, бросившему вызов общественной морали и ставшему изгоем... Центральным конфликтом второй части является схватка между «старой» Англией и той частью ее молодежи, которая в окопах первой мировой войны утратила иллюзии о справедливости существующего жизненного уклада.

ISBN 978-5-4467-1324-0

© Голсуорси Д., 1932

© ФТМ, 1932

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джон Голсуорси

Пустыня в цвету

Глава первая

В 1930 году, вскоре после обсуждения бюджета в парламенте, неподалеку от вокзала Виктория можно было наблюдать восьмое чудо света: трое совершенно несхожих англичан одновременно разглядывали один и тот же городской памятник. Пришли они порознь и остановились поодаль друг от друга, на открытом юго-западном краю площади, чтобы неверный свет весенних сумерек не слепил им глаза. Одна из них была молодая женщина лет двадцати шести, другой – моложавый человек лет тридцати четырех, а третий – пожилой мужчина уже за пятьдесят. Молодая женщина – тоненькая, неглупая на вид – слегка откинула и склонила набок голову, на ее чуть приоткрытых губах играла улыбка. Мужчина помоложе плотно запахнул синее пальто и туго затянул на тонкой талии пояс, словно ему было зябко на весеннем ветру; лицо его со следами загара казалось бледным, а презрительная складка у рта странно не вязалась с выражением глаз: он смотрел на памятник с искренним волнением. Старший – высокий мужчина в коричневом костюме и коричневых замшевых туфлях – небрежно засунул руки в карманы брюк, и сквозь непроницаемое выражение его худого, обветренного, красивого лица проглядывала ирония.

А над ними, окруженная деревьями, высилась конная статуя маршала Фоша.

Человек помоложе вдруг произнес:

– Он наш спаситель!

На такое нарушение приличий по-разному отозвались двое других: англичанин постарше слегка приподнял брови и сделал шаг вперед, словно хотел разглядеть ноги лошади. Молодая женщина живо обернулась, и лицо ее выразило удивление:

– Вы не Уилфрид Дезерт?

Моложавый человек поклонился.

– Мы с вами встречались на свадьбе Флер Монт. Вы были у них шафером – первым шафером, которого я видела в жизни. Мне было тогда шестнадцать лет. Вы меня, конечно, не помните. Я – Динни, вернее говоря, Элизабет Черрел. Не хватило подружек, и меня взяли в последнюю минуту.

Лицо молодого человека просветлело.

– Я прекрасно помню ваши волосы.

– Все меня только по ним и запоминают.

– Неправда! Помню, я тогда подумал, что это вас, наверно, писал Боттичелли. Видно, вы и до сих пор ему позируете.

А Динни в это время думала: «Ну и глаза! Они меня и тогда поразили. Какие у него красивые глаза!»

Глаза эти были снова обращены на памятник.

– А он ведь и в самом деле наш спаситель, – сказал Дезерт.

– Ну да, вы ведь, кажется, там были?

– Летал, надоело до черта!

– Вам нравится памятник?

– Только конь.

– Да, – пробормотала Динни. – Это – настоящая лошадь, а не какой-нибудь гарцующий бочонок с зубами, ноздрями и выгнутым загривком...

– Надежный конь, как и сам Фош.

Динни наморщила лоб.

– Мне нравится, как он тихонько здесь стоит, среди деревьев.

– Как поживает Майкл? Вы ведь, по-моему, его двоюродная сестра?

– У него все хорошо. По-прежнему в парламенте, кажется, уже навеки.

– А Флер?

– Цветет. Вы слышали, в прошлом году у нее родилась дочь?

– Ах, вот как? Значит, у нее теперь двое?

– Да, девочку назвали Кэтрин.

– Я не был в Англии с двадцать седьмого года. Господи! Как давно была эта свадьба!

– Судя по вашему виду, – сказала Динни, разглядывая его желтоватый загар, – вы жили в солнечных краях.

– Когда не светит солнце, я вообще не живу.

– Майкл как-то говорил, что вы уехали на Восток.

– Да, я там брожу понемножку. – Лицо его, казалось, потемнело еще больше, и он перенернул плечами, словно от озноба. – Дьявольски холодно в Англии весной!

– Вы все еще пишете стихи?

– Ага, вы слышали и об этой моей слабости?

– Я читала их все. Больше всего мне нравится последняя книжка.

Он ухмыльнулся:

– Спасибо, что погладили меня по шерстке; поэты, как вы знаете, на такие вещи падки.

Кто этот высокий человек? Мне как будто знакомо его лицо.

Высокий человек обошел памятник вокруг и теперь приближался к ним.

– Странно, – пробормотала Динни, – но и он напоминает мне о свадьбе Флер.

Высокий человек подошел к ним.

– Поджилки у него неважные, – сказал он.

Динни улыбнулась:

– А я всегда так радуюсь, что у меня нет поджилок. Мы как раз рассуждали, знаем ли мы вас. Вы, случайно, не были на свадьбе Майкла Монтэ несколько лет назад?

– Был. А вы кто такая, милая барышня?

– Ну вот, значит, мы там были все трое. Я, Динни Черрел, двоюродная сестра Майкла с материнской стороны. Мистер Дезерт был его шафером.

Высокий человек кивнул:

– Ах, вот оно что! Меня зовут Джек Маскем, и я – двоюродный брат Монтэ-старшего. –

Он повернулся к Дезерту. – Вы, я слышал, восторгались Фошем?

– Да.

Динни удивило, что Дезерт сразу же насупился.

– Ну что ж, – признал Маскем, – солдат он был настоящий, а их там было немного. Но я-то пришел поглядеть на коня.

– Конечно, конь интереснее, – серьезно подтвердила Динни.

Высокий господин удостоил ее иронической улыбкой.

– Спасибо Фошу, что он хотя бы не бросил нас в беде.

Дезерт вдруг резко к нему обернулся:

– На что вы намекаете?

Маскем пожал плечами, приподнял шляпу перед Динни и лениво зашагал прочь.

Когда он ушел, воцарилось молчание, – оба чувствовали странную неловкость.

– Вам в какую сторону? – спросила наконец Динни.

– В любую, по дороге с вами.

– Вы очень любезны, сэр. Я иду к тетке на Маунт-стрит, вам это подходит?

– Вполне.

– Да вы ее, наверно, помните, это мать Майкла, совершенная прелесть, величайшая мастерица алогизма, – так перескакивает с предмета на предмет, что просто дух захватывает.

Они перешли улицу и пошли по Гровенор-плейс, мимо Букингемского дворца.

– Наверно, всякий раз, когда возвращаешься домой, кажется, что в Англии все ужасно переменялось? Простите за светскую болтовню.

– Да, в общем, да...

– Вы, видно, не очень-то «обожаете свой край родной», как принято у нас говорить?

– Он внушает мне ужас!

– Да вы уж не из тех ли, кто хочет казаться хуже, чем он есть на самом деле?

– Хуже не бывает. Спросите Майкла.

– Майкл злословить не любит.

– И Майкл и все прочие ангелы с крылышками витают в небесах.

– Неправда. Майкл прочно стоит на земле, он настоящий англичанин.

– А одно с другим не вяжется, в том-то и беда.

– Зачем бранить Англию? Вы не оригинальны.

– Я браню ее только англичанам.

– И на том спасибо. Но почему мне?

Дезерт расхохотался.

– Потому что вы такая, какой я хотел бы видеть Англию.

– «Польщена и прелестна, но еще не созрела и совсем не растолстела!»

– Меня злит, что Англия все еще верит, будто она «соль земли».

– А разве это не так?

– Так, – к ее удивлению, ответил Дезерт, – но она не смеет этого думать.

Динни мысленно продекламировала:

Ты упрямец, братец Уилфрид, и язык твой зол,
Этим ты, – сказала дева, – лучше не хвались!
Некрасиво вечно путать потолок и пол,
Становиться так упорно головою вниз!¹

но вслух она выразилась попроще:

– Если Англия все еще «соль земли», но не имеет права так думать и все же думает, у нее, по-видимому, есть чутье. Отчего вы сразу невзлюбили мистера Маскема? Тоже чутье? – Но, поглядев на его лицо, подумала: «Я, кажется, на редкость бестактна».

– За что мне его не любить? Обычный толстокожий, – только и знает, что охотиться да ездить на скачки, у меня от таких скулы воротит со скуки.

«Что-то тут не так», – думала Динни, вглядываясь в Дезерта. Какое странное лицо! Измученное глубоким разладом с самим собой, словно злой и добрый гений пытаются выжить друг друга из его души; но глаза его все так же тревожили ее, как и тогда, в шестнадцать лет, когда с распущенными волосами она стояла рядом с ним на свадьбе Флер.

– Вы и в самом деле любите бродить по Востоку?

– На мне проклятие Исава, сына Исаака.

«В один прекрасный день, – подумала она, – я заставлю тебя сказать, за что ты проклят. Впрочем, вряд ли я еще когда-нибудь тебя увижу». И по спине у нее пробежал холодок.

– Вы знаете моего дядю Адриана? Во время войны он был на Востоке. А теперь заведует ископаемыми в музее. Вы, наверно, знакомы с Дианой Ферз. Дядя женился на ней в прошлом году.

¹ Стихи даются в переводе А. Эфрон.

– Я мало кого тут знаю.

– Ну, тогда нас связывает только Майкл.

– Я не верю в связи через третьих лиц. Где вы живете, мисс Черрел?

Динни усмехнулась.

– Вижу, пора вас снабдить краткой биографической справкой. С незапамятных времен семья моя владеет поместьем Кондафорд в Оксфордшире. Отец – отставной генерал, у него две дочери и единственный сын – военный, женат и скоро приедет из Судана в отпуск.

– А-а... – протянул Дезерт и снова помрачнел.

– Мне двадцать шесть лет, я не замужем и – увы! – бездетна. Любимое развлечение – вмешиваться в чужие дела. И сама не пойму, зачем мне это надо! В городе живу у леди Монт, на Маунт-стрит. Несмотря на деревенское воспитание, у меня дорогостоящие замашки и никаких средств, чтобы им потакать. Кажется, не лишена чувства юмора. А вы?

Дезерт улыбнулся и покачал головой.

– Хотите, я скажу за вас? – предложила Динни. – Вы младший сын лорда Маллиона; слишком много воевали; пишете стихи; у вас страсть к кочевой жизни, и вы враг самому себе; последнее – мое открытие и может заинтересовать нашу прессу. Ну вот мы и дошли до Маунт-стрит. Может, зайдете навестить тетю Эм?

– Спасибо, нет. Но давайте завтра вместе пообедаем, а потом сходим на утренник в театр.

– Хорошо. Где?

– У «Дюмуре». В половине второго.

Они пожали друг другу руки и расстались, но когда Динни входила в дом тетки, она была как-то приятно оживлена и, остановившись у двери в гостиную, постояла там, улыбаясь.

Глава вторая

Улыбка сошла с ее лица, когда через закрытую дверь до нее донесся веселый шум.

«Боже мой! – подумала она. – У тети Эм день рождения, а я совсем забыла!»

Кто-то перестал барабанить на рояле, послышались беготня, какая-то суматоха, стук отодвигаемых стульев, писк, а потом все смолкло и снова раздались звуки рояля.

«Музыкальные стулья!» – сообразила Динни и тихонько приоткрыла дверь. Та, что раньше звалась Дианой Ферз, сидела у рояля. Восемь малышек и один взрослый в пестрых бумажных колпаках цеплялись за восемь разнокалиберных стульев, расставленных друг против друга; семеро вот-вот готовы были вскочить на ноги, а двое еще сидели рядом на одном стуле. Динни оглядела это сборище и увидела, что слева направо сидят: Рональд Ферз; маленький китайчонок; младшенькая тети Элистон – Энн; младший сын дяди Хилери – Тони; Силия и Динго (дети замужней сестры Майкла Силии Мористон); Шейла Ферз, а на одном стуле – дядя Адриан и Кит Монт. Потом ей попала на глаза тетя Эм, которая, пыхтя, прислонилась к камину; на голове у нее красовалась огромная диадема из фиолетовой бумаги. Флер старалась вытащить стул из того ряда, где сидел Рональд!

– Кит, вставай! Ты опоздал.

Кит не тронулся с места, зато встал Адриан.

– Ничего не поделаешь, старина. Их не переспоришь. Беги!

– Не держитесь руками за спинки! – кричала Флер. – Ву-фин, не смей садиться, пока не перестанут играть! Динго, не цепляйся за крайний стул!

Музыка прекратилась. Суетня, толкотня, писк; самая маленькая фигурка – крохотная Энн – осталась стоять.

– Не горюй, детка, – сказала ей Динни. – Поди сюда, давай бить в барабан. Как только музыка перестанет играть – ты тоже перестань. Вот так. Ну, еще раз. Делай как тетя Ди.

Игра возобновлялась снова и снова, пока не остались только Шейла, Динго и Кит.

«Я ставлю на Кита», – решила Динни.

Вот вышла из игры Шейла! Ее выдвинули из ряда вместе со стулом. Вокруг последнего стула суетились маленький шотландец Динго и светлоголовый Кит, потерявший в пылу беготни свой бумажный колпак. Оба то садились, то вскакивали и вертелись вокруг стула. Диана старалась на них не глядеть, Флер отошла подальше, чуть-чуть улыбаясь; лицо тети Эм порозовело. Музыка смолкла, Динго успел сесть, а Кит остался стоять; щеки его пылали и брови были насулены.

– Кит! – послышался голос Флер. – Играй как следует!

Кит вздернул голову и сунул кулачки в карманы.

«Молодчина Флер!» – подумала Динни.

Сзади чей-то голос произнес:

– Безудержная страсть твоей тетки к молодежи приводит к немислимым бедствиям. Что если нам поискать покоя у меня в кабинете?

Динни обернулась и поглядела на тонкое, худое, подвижное лицо сэра Лоренса Монта; его усики совсем побелели, но волосы только чуть серебрила седина.

– Я еще не внесла своей лепты, дядя Лоренс.

– И не надо. Учись смотреть на все со стороны. Пусть язычники беснуются. Пойдем предадимся тихой беседе, как истые христиане.

Желание поговорить с дядей об Уилфриде Дезерте побороло в ней привычную самоотверженность, и Динни ушла с ним.

– Над чем ты сейчас работаешь? – спросила она.

– Решил немножко отдохнуть, читаю мемуары Хэрриет Уилсон – поразительная женщина, Динни! Во времена Регентства в высшем свете и так не было ни одной незапятнанной репутации, но она-то уж постаралась! Ты что-нибудь о ней слышала? Поверь, эта женщина знала, что такое любовь. Любовников у нее была тьма, но любила она только одного.

– И это, по-твоему, любовь?

– Ну что ж, сердце у нее было доброе, а остальные любили ее. Совсем не похожа на Нинон де Ланкло – та ведь любила всех. Но обе они женщины примечательные. А что если написать диалог этих двух дам на тему о добродетели? Стоит подумать. Садись!

– Сегодня я рассматривала памятник Фошу и встретила там твоего двоюродного брата, мистера Маскема.

– Джека?

– Да.

– Последний денди. Ты понимаешь, какая огромная разница между «щеголем», «денди», «франтом», «модником», «хлыщом», «пижоном» и «фертом» – кажется, так это теперь называют? Но порода вырождается. По возрасту Джек принадлежит к эпохе «хлыщей», но стиль у него настоящего «денди» – законченного денди, типа Уайта-Мелвиля². Что ты о нем думаешь?

– Лошади, карты и полнейшая невозмутимость.

– Сними-ка шляпу. Я люблю смотреть на твои волосы.

Динни сняла шляпу.

– Я встретила там еще одного знакомого: шафера Майкла.

– Как? Дезерта? Он вернулся? – И подвижная бровь сэра Лоренса поползла вверх.

Щеки Динни слегка порозовели.

– Да, – сказала она.

– Странный тип.

Динни вдруг почувствовала какое-то непривычное ощущение. Ей было бы трудно его описать, но оно напомнило ей фарфоровую безделушку, которую она подарила отцу в день его рождения: мастерски вылепленную лисичку с четырьмя приткнувшимися к ней детенышами. Выражение лисьей мордочки – нежное и чуть-чуть настороженное – отражало ее чувство в эту минуту.

– А чем он странный?

– Не хочу быть фискалом, Динни. Хотя тебе, пожалуй, скажу... Молодой человек года через два после замужества Флер явно за ней волочился. Из-за этого он и стал таким непоседой.

Так вот на что он намекал, говоря о проклятии Исава? Не может быть! По выражению его лица, когда они говорили о Флер, она бы этого не подумала.

– Но ведь все это было сто лет назад! – воскликнула Динни.

– Конечно! Дела давно минувших дней; но ходят о нем и другие слухи. Наши клубы – настоящие рассадники злословия.

Динни внутренне насторожилась.

– Какие слухи?

Сэр Лоренс покачал головой.

– Мне этот молодой человек нравится, и я не стану даже тебе повторять то, чего сам толком не знаю. Если человек живет не как все, про него еще не то наговорят! – Он вдруг кинул на Динни испытующий взгляд, но ее глаза безмятежно сияли.

– А кто этот маленький китайчонок?

– Сын бывшего мандарина; тот оставил здесь свою семью: на родине у него какие-то нелады; занятный малыш! Очень симпатичный народ эти китайцы. Когда приезжает Хьюберт?

² Уайт-Мелвиль Джордж (1821–1878) – английский писатель и спортсмен.

– На будущей неделе. Они летят из Италии. Джин ведь любит летать.
– Какова судьба ее брата? – И он снова пристально взглянул на Динни.
– Алана? Он служит на морской базе в Китае.
– Тетя не перестает сетовать, что у вас с ним ничего не вышло.
– Ты знаешь, ради тети Эм я готова на все, но, любя его как брата, я не могла пойти с ним к алтарю.

– Я-то совсем не хочу, чтобы ты выходила замуж, – сказал сэр Лоренс, – ищи тебя тогда в какой-нибудь Берберии!

«Да он просто колдун!» – мелькнуло у Динни, и глаза ее стали совсем наивными.

– Ох, уж эта бюрократическая машина! – продолжал тот. – Всю нашу родню засосала. И моих дочерей: Силия – в Китае, Флора – в Индии; твой брат Хьюберт – в Судане; вот и сестра твоя Клер унесется, как только ее обвенчают: Джерри Корвен получил назначение на Цейлон... Говорят, Чарли Маскема посылают в Кейптаун; старший сын Хилери едет на гражданскую службу в Индию; а младший – на флот. Черт побери, Динни, вы с Джеком Маскемом – последнее мое утешение в этой пустыне! Не считая, конечно, Майкла.

– А ты часто видишься с Маскемом?

– Частенько, у «Бартона», он заходит ко мне и в «Кофейню», – играем в пикет; кроме нас двоих, игроков там и не осталось. Правда, это пока не наступит сезон; теперь-то я вряд ли увижу его до конца скачек в Кэмбриджшире.

– Он, видно, большой знаток лошадей?

– Да. Но только лошадей, Динни. Таких, как он, редко хватает на что-нибудь еще. Лошадь – странное животное, она делает человека слепым и глухим ко всему остальному. Слишком уж много требует внимания. Приходится следить не только за ней, но и за всеми, кто имеет к ней какое-нибудь отношение. А как выглядит Дезерт?

– Что? – Динни слегка растерялась. – Какой-то темно-желтый...

– Это от раскаленного песка. Ведь он теперь живет как бедуин. И отец у него тоже отшельник, так что у них это в крови. Но он нравится Майклу, даже несмотря на ту историю, и это – лучшее, что о нем можно сказать.

– А какие он пишет стихи? – спросила Динни.

– Путаные. Разрушает одной рукой то, что создает другой.

– Может, он просто еще не нашел себе места в жизни? А глаза у него красивые, правда?

– Я больше всего запомнил его рот – рот человека тонко чувствующего, озлобленного.

– Глаза говорят о том, каков человек от природы, а рот – каким он стал.

– Да, рот и желудок.

– У него нет желудка, – сказала Динни. – Это я заметила.

– Привычка довольствоваться чашкой кофе и горстью фиников. Впрочем, арабы кофе не пьют, – у них слабость к зеленому чаю с мятой. Вот ужас! Сюда идет тетя. – «Вот ужас» относилось к чаю с мятой.

Леди Монт уже сняла бумажную диадему и слегка отдышалась.

– Тетечка, я, конечно, забыла про твой день рождения и ничего не принесла тебе в подарок.

– Тогда поцелуй меня. Я всегда говорила, что ты целуешься лучше всех. Откуда ты взялась?

– Клер попросила меня кое-что для нее купить.

– Ты захватила с собой ночную рубашку?

– Нет.

– Не важно. Возьмешь мою. Ты еще носишь ночные рубашки?

– Да.

– Молодец. Терпеть не могу, когда женщины спят в пижамах – и дядя этого тоже не любит. Вечно спадают. И ничего с этим не поделаешь, как ни старайся. Майкл и Флер останутся ужинать.

– Спасибо, тетя Эм, с удовольствием у вас переночую. Я еще не купила и половины того, что просила Клер.

– Нехорошо, что Клер выходит замуж раньше тебя.

– Но она и должна была выйти раньше, тетя.

– Ерунда! Клер – умница, а они не торопятся. Когда я вышла замуж, мне было уже двадцать один.

– Вот видишь!

– Не смейся надо мной. Умницей я была только раз. Помнишь, Лоренс, того слона... я хотела, чтобы он сел, а он все время становился на колени. Понимаешь, у них ноги подгибаются только в одну сторону. И я сразу сказала, что они ни за что не подогнутся в другую!

– Ах, тетя Эм! Да ты вообще самая большая умница на свете! Женщины так уныло последовательны.

– Меня утешает твой нос, Динни. Мне так надоели клювы и тети Уилмет, и Генриетты Бентворт, да и мой тоже.

– У тебя нос только чуть-чуть орлиный.

– В детстве я ужасно боялась, что он станет еще хуже! Часами простаивала, прижавшись кончиком к гардеробу.

– Я тоже хотела что-нибудь сделать со своим носом, только наоборот.

– Один раз я так стояла, а твой папа забрался на гардероб, как настоящий леопард, а потом на меня как прыгнет! Даже губу себе прокусил. У меня вся шея была в крови.

– Фу, как плохо!

– Да. Лоренс, о чем ты сейчас думаешь?

– О том, что Динни, наверно, не обедала. Правда, Динни?

– Я отложила это до завтра.

– Вот видишь! – воскликнула леди Монт. – Позови Блора. Ты ни за что не поправишься, пока не выйдешь замуж.

– Давай сперва сбудем с рук Клер, хорошо?

– В церкви Святого Георгия? И венчает, наверно, Хилери?

– Конечно!

– Я непременно буду плакать.

– А почему, в сущности, ты плачешь на свадьбах?

– Она ужасно похожа на ангела, а жених – в черном фраке, с усиками щеточкой, и совсем ничего не чувствует, а она думает, что он чувствует! Так обидно!

– Ну, а вдруг он все-таки чувствует? Майкл ведь чувствовал, когда женился, и дядя Адриан тоже!

– Адриану уже пятьдесят три, и у него борода. И потом он ведь Адриан!

– Да, это, конечно, другое дело. Но, по-моему, надо скорее пожалеть жениха. У невесты самый счастливый день в жизни, а ему, бедняжке, наверно, тесен белый жилет.

– Лоренсу не был тесен. Лоренс всегда был тоненький, как папиросная бумага. А я была тощая, как ты.

– Тебе, наверно, очень шла фата, тетя Эм. Правда, дядя? – Но иронически-грустное выражение на лицах этих пожилых людей заставило ее замолчать, и она только спросила: – Где вы познакомились?

– На охоте. Я упала в канаву, а дяде это не понравилось; он подошел и вытащил меня оттуда.

– Но это идеальная встреча!

- Нет, слишком много было глины. Мы целый день потом друг с другом не разговаривали.
- А что же вас примирило?
- То да се. Я гостила у родителей Ген, Кордроев, а Лоренс заехал к ним посмотреть щенят.

И чего это ты меня все выпрашиваешь?

- Мне просто хотелось знать, как это делали в ваши дни.
- А ты лучше выясни, как это делают теперь.
- Дядя Лоренс вовсе не желает от меня избавиться.
- Все мужчины эгоисты, кроме Майкла и Адриана.
- И потом мне ужасно не хочется, чтобы ты плакала.
- Блор, принесите мисс Динни бутерброд и коктейль, она не обедала. И потом, Блор, мистер и миссис Адриан и мистер и миссис Майкл будут у нас ужинать. И еще, Блор, скажите Лоре, чтобы она отнесла какую-нибудь мою ночную рубашку и все, что нужно, в голубую комнату для гостей. Мисс Динни останется ночевать. Ах, эти дети! – И леди Монт, слегка покачиваясь, выплыла из комнаты. Дворецкий последовал за ней.
- Ну, какая же она прелесть, дядя!
- Я этого никогда не отрицал!
- С ней легче становится на душе. Она хоть раз в жизни сердилась?
- Иногда она начинает сердиться, но тут же об этом забывает.
- Вот благодать!

Вечером, во время ужина, Динни ждала, что дядя хоть словом обмолвится о возвращении Уилфрида Дезерта. Но он ничего не сказал.

После ужина она под села к Флер, как всегда восхищаясь ею. Безупречное самообладание Флер, ее выхоленное лицо и фигура, трезвый взгляд ясных глаз, трезвое отношение к самой себе и какое-то странное к Майклу: слегка почтительное и в то же время чуть-чуть снисходительное – не переставали удивлять Динни.

«Если я когда-нибудь выйду замуж, – думала Динни, – я не смогу вести себя так с мужем. Я хочу относиться к нему как к равному, не пряча своих грехов и не боясь видеть его грехи».

- Ты помнишь свою свадьбу, Флер? – спросила она.
- Конечно, дорогая. Убийственная церемония!
- Я сегодня встретила вашего шафера.

Темные зрачки Флер сузились.

- Уилфрида? Разве ты его знаешь?
- Мне тогда было шестнадцать, и он поразил мое юное воображение.
- Для этого и приглашают шаферов. Ну, и как ему живется теперь?
- Он очень загорелый и опять взволновал мою юную душу.

Флер засмеялась.

- Ну, это он всегда умел.

Глядя на нее, Динни решила проявить настойчивость.

- Да. Дядя Лоренс рассказывал, что когда-то он пытался всю проявить этот свой талант. Лицо Флер выразило удивление.

- Вот не думала, что тесть это заметил!
- Дядя Лоренс у нас колдун.

– Ну, Уилфрид вел себя, в общем, примерно, – задумчиво улыбаясь, пробормотала Флер. – Отправился на Восток, как миленький...

- Неужели он поэтому и жил там до сих пор?
- Что ты! Корь – болезнь недолгая. Ему просто там нравится. Может, он завел себе гарем.
- Нет, – сказала Динни. – По-моему, он человек брезгливый.

– Ты права, дорогая, и прости меня за дешевый цинизм. Уилфрид – один из самых странных людей на свете, но, в общем, он славный. Майкл его любил. Но любить его, – сказала она вдруг, взглянув Динни прямо в глаза, – просто мучение: уж больно в нем все вразброд. В свое время я к нему близко приглядывалась, – так уж пришлось, понимаешь? В руки он не дается. Страстная натура и сплошной комок нервов. Человек он мягкосердечный и в то же время обо-зленный. И ни во что на свете не верит.

– Наверно, верит все-таки в красоту, – спросила Динни, – и в истину, если знает, в чем она?

Флер неожиданно ответила:

– Ну, знаешь, дорогая, в них-то мы все верим, если они нам попадают. Беда в том, что их нет, разве что... разве что они в тебе самой. Ну, а если в душе одна кутерьма, чего тогда ждать хорошего? Где ты его видела?

– Он разглядывал Фоша.

– А-а... Кажется, он и тогда его боготворил. Бедный Уилфрид, жить ему несладко. Кон-тузия, стихи, да и воспитание нелепое, отец совсем отошел от жизни, мать – наполовину ита-льянка, сбежала с другим. Беспокойная семья. Лучшее, что у него было, – глаза: грустные, сердце от них щемило. И к тому же очень красивые – опасное сочетание. Значит, он снова растревожил твоё воображение? – И она уже открыто взглянула Динни в глаза.

– Нет, но мне было интересно, встревожишься ли ты, если я скажу, что его встретила.

– Я? Милочка, мне уже скоро тридцать. Я мать двоих детей и... – лицо ее потемнело, – у меня теперь иммунитет. Если я кому-нибудь захочу открыться, может, я откроюсь тебе. Но есть вещи, о которых не говорят.

Наверху, в спальне, путаясь в складках ночной рубашки тети Эм, Динни задумчиво глядела в камин, затопленный, несмотря на все ее уговоры. Она понимала, что странное томление, которое охватило ее и толкало неизвестно куда, просто нелепо. Что это с ней? Встретила чело-века, который десять лет назад поразил ее воображение! И, по всем отзывам, вовсе не такого уж хорошего человека! Что из этого? Динни взяла зеркало и стала разглядывать свое лицо над вышитым воротником тетиного балахона. Оно ей почему-то не понравилось.

«Ну до чего же оно надоедает, это унылое рукоделие проклятого Боттичелли», – подумала она.

Нос вверх глядит, лазурь же взгляда
Устремлена коварно вниз...
О рыжекудрая дриада,
Самой себя остерегись!

А он ведь привык к Востоку, к черным очам, томно блестящим из-под чадры, к манящим прелестям, скрытым под покрывалом, к таинственным соблазнам, к зубам, как жемчуг, словом, к красе райских гурий. Динни открыла рот и стала разглядывать свои зубы. Ну, тут ей бояться нечего: лучшие зубы в роду. Да и волосы у нее, в сущности говоря, не рыжие, а ско-рее, как называла их мисс Брэддон, – бронзовые. Какое красивое слово! Жаль, что теперь волосы так не называют. Фигуру под всеми этими рюшками и вышивками, правда, не увидишь. Не забыть посмотреться в зеркало завтра перед ванной. За все то, чего сейчас не видно, она, кажется, может благодарить бога. Со вздохом отложив зеркало, Динни забралась в постель.

Глава третья

Уилфрид Дезерт по-прежнему снимал квартиру на Корк-стрит. За нее платил лорд Маллион и пользовался ею в тех редких случаях, когда покидал свою сельскую обитель. Нелюбимый аристократ все же меньше тяготился своим младшим сыном, чем старшим, который заседал в парламенте. Он не испытывал к Уилфриду такой болезненной неприязни; однако, как правило, в квартире жил один Стак, бывший вестовой Уилфрида, питавший к хозяину ту загадочную и безмолвную привязанность, которая сохраняется дольше, нежели открытое благоговение. Когда бы Уилфрид ни приехал, даже без всякого предупреждения, квартира его имела такой же вид, в каком он ее оставил: и пыли было ничуть не больше, и воздух почти такой же спертый, и те же костюмы висели на тех же вешалках, и подавали ему тот же вкусный бифштекс с грибами, чтобы заморить червячка с дороги. Наследный «мусор» вперемежку с восточными безделушками, привезенными на память о какой-нибудь мимолетной прихоти, придавали большой гостиной дворцовый вид, словно она была частью каких-то суверенных владений. А диван перед пылающим камином принимал Уилфрида так, словно он с него и не вставал. Он лежал там наутро после встречи с Динни, раздумывая, почему один только Стак умеет варить настоящий кофе. Казалось бы, родина кофе – Восток, но турецкий кофе – обряд, забава и, как все обряды и забавы, только щекочет воображение. Он в Лондоне уже третий день после трехлетней отлучки; за последние два года ему пришлось пережить такое, что лучше не вспоминать, не говоря уже о той истории, которая внесла глубокий разлад в его душу, как ни старайся он от нее отмахнуться. Да, он вернулся, пряча от любопытных глаз постыдную тайну. Привез он и стихи, которых хватит на четвертый по счету тоненький сборник. Лежа на диване, Уилфрид раздумывал, не увеличить ли объем этой книжки, включив туда самую длинную и как будто бы самую лучшую из его поэм – отголосок той самой истории; как жаль, что ее нельзя напечатать... Недаром его не раз подмывало разорвать эти стихи, уничтожить бесследно, стереть всякую память о том, что произошло... Но ведь в поэме он пытается оправдаться в том, чего, как он надеется, никто не узнает. Разорвать стихи – значит лишить себя защиты, ведь без них он не сможет восстановить в памяти, что он чувствовал, когда перед ним встал выбор. У него не будет лекарства от угрызений совести, единственного оружия против призраков прошлого. Ему часто казалось, что, если он не заявит во всеуслышание о том, что с ним случилось, он никогда больше не почувствует себя хозяином своей души.

Перечитывая стихи, он думал: «Это куда лучше и глубже, чем та проклятая поэма Лайелла»³. И без всякой видимой связи вспомнил девушку, которую встретил вчера. Как странно, что он запомнил ее; тогда, на свадьбе Майкла, она показалась ему юной и светящейся, как Венера Боттичелли или какая-нибудь из его мадонн и ангелов – все они похожи друг на друга. Тогда она была прелестной девушкой. А теперь стала прелестной молодой женщиной, такой цельной, чуткой, с чувством юмора... Динни Черрел! Вот ей он мог бы показать свои стихи: она их поймет.

Потому ли, что он слишком много о ней думал, или потому, что ехал в такси, но Уилфрид опоздал и встретил Динни на пороге «Дюмуре», – она уже собиралась уйти.

Пожалуй, лучший способ испытать женщину – это заставить ее ждать вас на глазах у посторонних. Динни встретила его улыбкой.

– А я уже подумала, что вы про меня забыли.

– На улицах ужасная сутолока. И как не стыдно философам болтать, будто время – это пространство, а пространство – это время? Для того, чтобы их опровергнуть, надо просто

³ Лайелл Альфред (1835–1911) – государственный деятель, поэт и автор ряда книг об Индии. Имеется в виду поэма «Богословие под страхом смерти», в которой героя под страхом смерти предлагают перейти в мусульманскую веру.

пригласить кого-нибудь обедать. Я рассчитал, что мне хватит десяти минут – ведь от Корк-стрит надо проехать меньше мили, – и вот на десять минут опоздал! Простите, бога ради!

– По словам отца, теперь, когда вместо извозчиков ездят на такси, времени уходит по крайней мере на десять процентов больше. Вы помните, как выглядели извозчики?

– Еще бы!

– А вот я в их времена ни разу не бывала в Лондоне.

– Если вам знаком этот ресторан, ведите меня. Мне о нем говорили, но я тут еще не был.

– Надо спуститься в подвал. Кухня здесь французская.

Сняв пальто, они уселись за столик в самом конце зала.

– Мне что-нибудь легкое, – сказала Динни. – Ну, скажем, холодного цыпленка, салат и кофе.

– Вы нездоровы?

– Нет, это природный аскетизм.

– Понятно. У меня тоже. Вина пить не будете?

– Нет, спасибо. А когда мало едят, это хорошо? Как по-вашему?

– Нет, если это делают из принципа.

– А вы не любите, когда что-нибудь делают из принципа?

– Я принципиальным людям не верю, уж больно они кичатся своей добродетелью.

– Не надо так обобщать. У вас вообще есть к этому склонность, правда?

– Я подразумевал людей, которые не едят, чтобы не ублажать свою плоть. Вы, надеюсь, не из таких?

– Что вы! – воскликнула Динни. – Я просто не люблю наедаться. А мне для этого немного надо. Я еще не очень хорошо знаю, как ублажают плоть, но это, наверно, приятно.

– Пожалуй, только это и приятно на свете!

– Поэтому вы пишете стихи?

Дезерт расхохотался.

– По-моему, и вы могли бы писать стихи.

– Не стихи, а вирши.

– Лучшее место для поэзии – пустыня. Вы бывали в пустыне?

– Нет. Но мне очень хочется. – И, сказав это, Динни сама удивилась, вспомнив, как ее раздражал американский профессор и его «бескрайние просторы прерий». Впрочем, трудно было себе представить людей более несхожих, чем Халлорсен и этот смуглый мятущийся человек, который сидел напротив, уставившись на нее своими странными глазами, так что по спине у нее снова побежали мурашки. Разломив булочку, она сказала:

– Вчера я ужинала с Майклом и Флер.

– Да! – Губы его скривились. – Когда-то я вел себя из-за: Флер как последний дурак. Она великолепна – в своем роде, правда?

– Да. – Но взгляд ее предостерегал – «Не вздумайте говорить о ней гадости!»

– Изумительная оснастка и самообладание.

– Думаю, что вы ее плохо знаете, – сказала Динни. – А я не знаю совсем.

Он наклонился к ней поближе:

– Верная душа! Где вы этому научились?

– Девиз моего рода: «Верность», – правда, это могло бы меня от нее отвратить.

– Боюсь, я не понимаю, что такое верность, – произнес он отрывисто. – Верность – чему? кому? Все так зыбко на этом свете, так относительно. Верность – это свойство косного ума либо попросту предрассудок и уж, во всяком случае, – отказ от всякой любознательности.

– Но ведь чему-то на свете стоит соблюдать верность? Ну хотя бы кофе или религии...

Он поглядел на нее так странно, что Динни даже испугалась.

– Религии? А вы верите в бога?

– В общем, кажется, да.

– Как? Неужели для вас приемлемы догмы какой-нибудь веры? Или вы считаете, что одна легенда заслуживает большего доверия, чем другая? Вам кажется, что именно это представление о Непознаваемом более основательно, чем все остальные? Религия! У вас же есть чувство юмора. Неужели его не хватает, когда дело доходит до религии?

– Хватает, но религия, по-моему, просто ощущение какого-то всеобъемлющего духа и вера в моральные устои, которые лучше всего служат этому духу.

– Гм... это довольно далеко от обычных представлений, но почему вы знаете, что лучше всего служит вашему всеобъемлющему духу?

– Это я беру на веру.

– Ну, вот тут мы и не сошлись. Послушайте! – сказал он, и ей почудилось, что в голосе его зазвучало волнение. – К чему тогда наш рассудок, наши умственные способности? Каждая проблема, которая возникает передо мной, существует для меня сама по себе, но потом я их складываю, получаю результат, а потом – действую. Я действую в соответствии с осознанным представлением о том, как мне лучше поступить.

– Лучше для кого?

– Для себя и для всего мира в целом.

– А что важнее?

– Это одно и то же.

– Всегда? Сомневаюсь. Но, во всяком случае, вам каждый раз приходится складывать такой длинный столбец цифр, что у вас не остается времени действовать. А так как нравственные правила и есть результат бесчисленных решений тех же проблем, принятых людьми в прошлом, почему же не брать их на веру?

– Ни одно из этих решений не было принято человеком моего склада или в таких же точно обстоятельствах.

– Да, это правда. Значит, вы пользуетесь тем, что принято звать «обычным правом». Вот тут вы типичный англичанин!

– Простите! – вдруг прервал ее Дезерт. – Вам, наверно, скучно. Вы будете есть сладкое?

Динни облокотилась на стол и, подперев руками подбородок, внимательно на него посмотрела.

– Нет, мне совсем не скучно. Наоборот, вы меня ужасно интересуете. Мне только кажется, что женщины в своих поступках куда меньше рассуждают; они редко считают себя исключением из общего правила, как мужчины, и охотнее доверяют своей интуиции, которая выработалась опытом, накопленным поколениями.

– Да, прежде женщины поступали так; не знаю, как они будут вести себя впредь.

– Думаю, что так же, – сказала Динни. – Не верю, что нам когда-нибудь захочется заниматься сложением. Я с удовольствием съем сладкое. Ну хотя бы компот из слив.

Дезерт с изумлением поглядел на нее и расхохотался.

– Вы удивительная женщина! Я тоже буду есть компот. Скажите, в вашей семье соблюдают этикет?

– Не очень, но у нас верят в традиции и в прошлое.

– А вы?

– Не знаю. Я люблю старые вещи, старые дома и старых людей. Я люблю все, на чем лежит печать прошлого, как на старинной монете. Я люблю чувствовать, что у меня есть глубокие корни. Меня всегда увлекала история. Но во всем этом есть и смешная сторона. Ну разве не смешно, что все мы не можем преступить запретную черту?

Дезерт протянул ей руку, и она положила в его руку свою.

– Пожмем друг другу руки, у нас с вами хотя бы есть спасительное чувство юмора!

– Когда-нибудь, – сказала Динни, – вы мне все же ответите на один вопрос. А пока – на какой спектакль мы пойдем?

– Вы не слышали, идет где-нибудь пьеса некоего Шекспира?

Они выяснили, хотя и не без труда, что одно из бессмертных творений величайшего драматурга мира играют в маленьком театре на окраине. Когда кончился спектакль, Дезерт нерешительно спросил:

– А вы не зайдете ко мне выпить чаю?

Динни с улыбкой кивнула, и с этой минуты почувствовала, что отношение его к ней изменилось, в нем теперь сквозила и какая-то близость и почтительность, словно он сказал себе: «Вот эта – мне ровня».

Они пили чай, поданный Стаком – человеком со странными пронизательными глазами, чем-то смахивающим на монаха, и Динни чувствовала себя превосходно. Ей казалось, что это лучший час в ее жизни, и когда он прошел, Динни поняла, что влюбилась. Крошечное зернышко, брошенное десять лет назад, дало ростки. Это было чудо, особенно для нее, которая, дожив до двадцати шести лет, решила, что уже никогда не полюбит; время от времени Динни переводила дыхание и с изумлением вглядывалась в лицо Уилфрида. Господи, откуда взялось в ней это чувство? Какая глупость! Оно непременно заставит ее страдать, ведь он-то ее не полюбит. С чего бы ему ее полюбить? А если он не полюбит, ей надо скрывать свое чувство, а как же его можно скрыть?

– Когда я опять вас увижу? – спросил он, когда Динни поднялась, чтобы уйти.

– А вы этого хотите?

– Необычайно.

– Почему?

– А почему же нет? Вы – первая настоящая дама, которую я вижу за последние десять лет. А может, – первая, которую я видел вообще.

– Если вы хотите, чтобы мы с вами встречались, не смейтесь надо мной.

– Смеяться над вами? С какой же стати? Итак, когда?

– Ну что ж! В данное время я ночую в чужой рубашке на Маунт-стрит. По существу, мне бы полагалось быть в Кондафорде. Но сестра моя на будущей неделе выходит замуж здесь, в Лондоне, а брат в понедельник приезжает из Египта, поэтому я, наверно, пошлю за своими вещами и останусь в городе. Где бы вам хотелось меня видеть?

– Давайте завтра покатаемся. Я целую вечность не был в Ричмонде и Хемптон-Корте.

– А я не была ни разу.

– Вот и прекрасно! Я приду за вами к памятнику Фоша в два часа, в любую погоду.

– Я с радостью поеду с вами, мой юный рыцарь.

– Великолепно! – Он вдруг склонился, взял ее руку и коснулся ее губами.

– Вы очень учтивы, – сказала Динни. – До свидания!

Глава четвертая

Динни была так поглощена своими тайными переживаниями, что ее влекло к уединению, но она была приглашена ужинать к Адриану Черрелу. После его женитьбы на Диане Ферз они выехали из дома на Окли-стрит, с которым были связаны такие грустные воспоминания, и скромно обосновались на одной из просторных площадей Блумсбери – в районе, к которому возвращался былой аристократизм, утраченный в тридцатые и сороковые годы девятнадцатого века. Дом выбрали за его близость к «ископаемым», ибо Адриан считал, что в его возрасте надо дорожить каждой минутой, проведенной с женой. Могучее здоровье, которое дядя обрел, как и предсказывала Динни, прожив год в Нью-Мехико с профессором Халлорсеном, проявлялось в темном загаре на изрезанных морщинами щеках и улыбке, теперь гораздо чаще освещавшей худое лицо. Динни с удовольствием вспоминала, что это она дала дяде верный совет, которому он, к счастью, последовал. И к Диане возвращалась былая живость, которая до ее брака с беднягой Ферзом помогала ей блистать в «Обществе». Но не очень светская профессия Адриана и постоянная потребность быть вместе не позволяли Диане вернуться в этот священный круг избранных. Да и ее самое все больше привлекала роль жены и матери. Пристрастная к Адриану племянница считала такое влечение совершенно естественным. По дороге к ним она обдумывала, стоит ли ей рассказать, как она провела сегодняшний день. Враг недомолвок и хитростей, она решила быть откровенной. «К тому же, – рассудила она, – влюбленные девицы обожают посудачить о предмете своих воздыханий». И потом, если ей будет уж слишком тяжело без наперсницы, дядя Адриан сыграет эту роль как нельзя лучше; во-первых, потому, что он хорошо знает Восток, но главным образом потому, что он – дядя Адриан.

За столом, естественно, заговорили прежде всего о замужестве Клер и возвращении Хьюберта. Динни была встревожена выбором сестры. Сэру Джералду (Джерри) Корвену уже стукнуло сорок; это был подвижной человек среднего роста с решительным, даже дерзким лицом. Динни признавала, что в нем много обаяния, но боялась, что его даже чересчур много. В министерстве колоний он занимал видное положение и был одним из тех людей, о ком говорят, что «они далеко пойдут». Динни беспокоило, не слишком ли Клер на него похожа – такая же бесстрашная, яркая, готовая все поставить на карту; к тому же она моложе своего будущего мужа на целых семнадцать лет. Но Диана, хорошо знавшая жениха, сказала:

– Разница в семнадцать лет – это для них благо. Джерри нужно остепениться. Если он к тому же будет ей и отцом, брак может оказаться счастливым. Чего только он не перепробовал на своем веку! И я рада, что они едут на Цейлон.

– Почему?

– Подальше от прошлого.

– А у него богатое прошлое?

– Душенька, сейчас он очень влюблен, но с такими людьми, как Джерри, при его обаянии и врожденной страсти играть с огнем, никогда нельзя быть спокойной.

– Брак всех нас превращает в трусов, – пробормотал Адриан.

– Ну, Джерри Корвена не напугаешь, его влечет к опасности, как золотую рыбку к мотылю. А Клер, наверно, от него без ума?

– Да, но Клер и сама любит играть с огнем.

– И тем не менее, – заметил Адриан. – оба они, по-моему, люди не очень-то современные. У обоих есть голова на плечах, и оба не ленятся шевелить мозгами.

– Ты прав, дядя, Клер берет от жизни все, что может, но при этом у нее какая-то неистощимая жизненная энергия! Из нее может выйти вторая Эстер Стенхоп⁴.

⁴ Стенхоп Эстер (1776–1839) – английская путешественница.

– Ты умница! Но для этого ей сперва надо выгнать Джерри Корвена. А тут, если не ошибаюсь, ей может помешать ложный стыд.

Динни с удивлением смотрела на дядю.

– Ты так говоришь потому, что знаешь Клер, или потому, что в тебе говорит кровь Черрелов?

– Потому, что в ее жилах течет кровь Черрелов, дорогая.

– Ложный стыд... – прошептала Динни. – Вот у тети Эм его, по-моему, нет. А между тем она такая же типичная Черрел, как и мы все...

– Эм напоминает мне части скелета, которые никак не складываются друг с другом, – сказал Адриан. – Даже не поймешь, что это был за зверь. А ложный стыд – свойство заурядного организма.

– Фу, Адриан, – укоризненно заметила Диана, – не смей говорить о костях за обедом. Когда приезжает Хьюберт? Мне очень хочется повидать его и Джин. Интересно, кто у кого под башмаком после полутора лет блаженства в Судане?

– Конечно, Хьюберт у Джин, – сказал Адриан.

Динни покачала головой.

– А по-моему, нет, дядя.

– Тут говорит твое сестринское самолюбие.

– Нет. Хьюберт более последователен. Джин кидается на все, и ей надо все сразу перевернуть; но руль в руках у Хьюберта, в этом я уверена. Дядя, а где находится Дарфур?

– К западу от Судана; большая часть его – пустыня, и, насколько я знаю, малодоступная. А что?

– Я сегодня обедала с мистером Дезертом, – помнишь, он был шафером Майкла? Он называл это место.

– А Дезерт там был?

– По-моему, он изъездил весь Ближний Восток.

– Я знаю его брата, – сказала Диана. – Чарлза Дезерта. Это один из самых неприятных у нас молодых политических деятелей. Наверняка будет министром просвещения, если победят консерваторы. Ну, тогда лорд Маллион окончательно станет отшельником. Уилфрида я никогда не встречала. Он симпатичный?

– Да как тебе сказать, – протянула Динни, стараясь казаться равнодушной. – Я только вчера с ним познакомилась. Он похож на пирог с сюрпризом: откусишь кусок и надеешься. Сумеешь съесть весь пирог – твое счастье!

– Я бы тоже хотел с ним познакомиться, – сказал Адриан. – Он хорошо воевал, и я читал его стихи.

– Правда? Я могу вас познакомить; мы сейчас видимся чуть не каждый день.

– Да ну? – поглядел на нее Адриан. – Мне бы хотелось поговорить с ним о хеттах. Надеюсь, ты знаешь, что те характерные черты, которые у нас принято считать еврейскими, на самом деле, если судить по древним рисункам, принадлежат хеттам?

– Но разве эти народы не произошли от одного корня?

– Ничуть. Евреи Израиля были арабами. Кем были хетты, нам еще неизвестно. Современные евреи как здесь, так и в Германии, по-видимому, больше хетты, чем семиты.

– Дядя, а ты знаешь мистера Джека Маскема?

– Только понаслышке. Он двоюродный брат Лоренса и знаток лошадей. Мне говорили, что он ратует за новое скрещивание арабских скакунов с нашими. Было бы неплохо, если взять лучших производителей. Дезерт-младший бывал в Неджде? По-моему, только там и водятся арабские племенные кони.

– Не знаю. А где Неджд?

– В центре Аравии. Но Маскем никогда ничего не добьется; никто его не поддержит: нет человека более консервативного, чем великосветский лошажник. Да и сам он, видно, такой же чистопородный консерватор, если не считать этого его пунктика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.